

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Астраханский государственный университет»
(Астраханский государственный университет)

кафедра философии

РЕФЕРАТ

**для сдачи кандидатского экзамена
по истории и философии науки**

**на тему: «Историко-научные предпосылки изучения языкового
сознания»**

Выполнил:
Мухаев Кайрат Махмудович,
кафедра современного русского языка

Астрахань – 2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА.....	5
2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ	18
2.1 Философское понимание сознания и языкового сознания.....	18
2.2 Структура языкового сознания	31
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	31
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	32

ВВЕДЕНИЕ

Язык антропоцентричен по своей сущности и в соответствии с этим должен изучаться – такова установка современной лингвистической мысли, поэтому все языковые факты она стремится исследовать с позиции человека, порождающего текст или этот текст воспринимающего. Активно исследуется человеческий фактор в языке, развиваются лингвистические дисциплины, фокусирующиеся на роли этого фактора в устройстве системы языка и в его функционировании (психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и др.). С этой целью создаются и применяются особые лингвистические концепции – «языковая личность», «языковое сознание», «языковая картина мира», являющиеся абстрактными ментальными конструктами, не отражающими конкретные материальные феномены, но позволяющими создавать научные модели для описания языковой способности и языковой деятельности человека. В задачи лингвистики на современном этапе входит непротиворечивая организация этих концепций таким образом, чтобы их можно было продуктивно использовать для анализа языкового материала, и рассмотрение традиционных лингвистических объектов под антропоцентрическим углом зрения.

Словосочетание «языковое сознание» в последние годы активно применяется в психолингвистических работах и используется для обозначения тематики психолингвистических симпозиумов и конференций. Ставши в известной мере модным, данный термин в то же время остается недостаточно определенным и нуждается в уточнении. Над термином «языковое сознание» трудилось множество ученых, но, прежде чем выявить, производное слово, стоит обозначить производящую основу. Итак, термином сознание в русской научной традиции принято обозначать рефлексивную психическую деятельность, включающую перцепцию, переработку воспрнятого и формирование целостной картины мира, содержащей знания и отношения, объекты и самого субъекта в отношении к ним (С. Л. Рубинштейн). Сознание, как видно, связано со многими когнитивными процессами: восприятием, памятью, вниманием, мышлением, др. психическими функциями.

Это понятие представляется интересным в двух отношениях. Во-первых, оно укореняет связь лингвистического явления (языка) с психологическим феноменом (сознанием). Это важно на фоне попыток разделения и установления искусственных границ между психологическими процессами, семантикой с одной стороны, и языковыми

средствами выражения мысли человека, с другой, т.е. в более общем плане – между психологией и лингвистикой. Одновременно оно выхватывает как бы центральное звено всей психолингвистики, обнаруживает ее средоточие. Во-вторых, понятие языкового сознания важно для уточнения психологического определения самого сознания, поскольку выделяется близкая, но особая область, обладающая своими чертами и спецификой. В частности, интересным в этом контексте может быть вопрос о сохранении валидности оппозиции «сознательное-бессознательное» в языковых актах и процессах. Во всех случаях исследования в области языкового сознания являются дополнительные опоры для более четкого понимания условий, с которыми связано присутствие или отсутствие сознательного компонента в психической деятельности человека. Итак, языковое сознание вербализуемые лексическими средствами национального языка результаты ментальной деятельности. При более широкой трактовке языковое сознание включает психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека

В данной работе представлена важная на сегодняшний день проблема языкового сознания носителей языка и языкового сознания в целом. В связи с тем, что данная тема изучается еще с 80-х годов XX века, и до конца не установлена природа и четкое определение этого лингвистического феномена, мы опираемся на мнение сразу нескольких авторитетных ученых из разных научных сфер, потому что понятие «сознание» находится на стыке нескольких наук. Целью работы является, в первую очередь, ознакомление с основными положениями представленного вопроса, тщательная его структуризация и доступное изложение.

1. ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Вопрос о языковом сознании находится на пересечении интересов лингвистики, психологии и философии, литературоведения и культурологии. В последние десятилетия он становится объектом пристального внимания отечественной лингвистики, темой симпозиумов (Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации "Языковое сознание и образ мира": Москва, 2-4 июня 1997; Языковосознание: содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Москва, 1-3 июня 2000 г. и др.), многочисленных сборников («Языковое сознание и образ мира» (2000), «Языковое сознание: формирование и функционирование» (1998), «Язык-сознание-культура- социум» (2008), «Когнитивные исследования языка: проблемы языкового сознания» (2011), «Языковое сознание: парадигмы исследования» (2007), «Язык. Сознание. Культура» (2005), «Язык и сознание: психолингвистические аспекты» (2009)), монографий и учебных пособий («Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» (2009), «Динамика языка и сознания: психолингвистический и когнитивный аспекты исследования» (2012), [Борискина 2003], [Вепрева 2005], [Калентьева 1998], [Караулов 2009], [Крюкова 2004, 2007], [Никитина 1993], [Раевская 2006], [Уфимцева 2011], [Федченко 2006], [Фесенко 1999], [Чулкина 2007] и др.).

Изучение языкового сознания носит противоречивый характер. По замечанию Т.Н. Ушаковой, в термине «языковое сознание» «объединены две различные сущности: сознание — психический феномен нематериальной природы (его нельзя измерить по пространственным признакам, он непространственен, нельзя услышать, посмотреть на него) — и материальный феномен произносимой или записываемой речи, а также физиологический процесс формирования вербальных языковых связей. Речь можно зафиксировать с помощью физических приборов, услышать, записать миограмму артикуляторных мышц, зарегистрировать ЭЭГ, специфическую для произносимой речи, можно объективно зарегистрировать ход формирования и угасания межсловесной (языковой) связи и т.п. Речь — материальный процесс, несущий информацию» [Ушакова 2000; 17].

Объединение в одном понятии разных сущностей связано с идеей о том, что человеческое познание тесно связано с языком и что именно язык предоставляет исследователям доступ к структурам сознания и мышления. Тем не менее, это положение не должно пониматься буквально. Например, А.А. Залевская отмечает, что «весьма

наивной представляется вера некоторых исследователей в то, что якобы можно описать содержание некоторой языковой единицы в том виде, в каком она присутствует в сознании носителей языка <...> Мы можем лишь строить определенные предположения, модели и подобное³ в отношении того, что не поддается прямому наблюдению» [Залевская 2003: 32]. Вопрос о соотношении языка и сознания неоднозначен, в связи с этой проблемой в науке выделяются вербалистский (мышление вербально) и антивербалистский (мышление довербально) подходы. Как бы то ни было, «обращение к языку рассматривается сегодня как наиболее простой доступ к сознанию не потому, что все структуры сознания изначально вербализованы, но потому, что все объяснения о любых объектах выступают для человека в форме вербального их описания» [Кубрякова 1992: 11].

Относительно вербальности мышления и сознания существуют две противоположные точки зрения. Традиционным считается постулат о неразрывной связи языка и сознания, согласно которому мышление осуществляется не иначе как в языке (еще древние греки обозначали мысль и слово одной единицей – *logos*), ср., например, такие высказывания: «формы языка необходимо сопутствуют мышлению от начальной фазы зарождения мысли до момента отчуждения и передачи слушателю» [Кацнельсон 1984, 4]; «Язык пронизывает все структуры бытия и сознания. Конечно, необходимо отличать существование внешнего мира от языка так же, как и отделять от языка сознание. Однако осознание внешнего мира человеком настолько тесно связано с языком, что стремление отдельных философов отделить сознание и бытие от языка – это противоестественный акт и по сути дела это невозможно. Ведь сознание бытия становится по необходимости полным лишь в языковых формах и с помощью языковых средств, а выражение актов сознания и обмен ими (общение) без языка трудно представить» [Калашникова 2010: 140 – 141], «...язык проникает через речевую способность человека в самые глубинные, базальтовые уровни его телесной, психической, бессознательной организации и превращается в естественный механизм сознания. Если человек что-то не может проговорить в речи, то, по-видимому, это и не осознается им, и наоборот, то, что не осознается им, о том трудно что-либо сказать членораздельное и тем более сказать так, чтобы это было понято другим» [Там же; 142].

С другой стороны, противники вербалистского подхода к мышлению говорят о его довербальности и предполагают существование универсального языка мысли. Так, советский лингвист и психолог Н.И. Жинкин, заложивший основы отечественной психолингвистики, выдвинул понятие универсального предметного кода (УПК) – кода

«чистого мышления» внутренней речи, «с которого возможны переводы на все другие языки», в том числе на «натуральный» [Жинкин 1964]. УПК состоит из единиц чувственного отражения действительности в сознании: «Здесь нет последовательности знаков, а есть изображения, которые могут образовать или цепь или какую-то группировку. Этот код отличается от всех других тем, что обозначаемое других языков в этом новом коде является вместе с тем и знаком. Когда мы говорим: Большой театр, то за буквами или звуками языка разумеется самое вещь – Большой театр. Когда же мы представляем себе Большой театр, то независимо от каких-либо букв или звуков, мы имеем в виду самое эту вещь как предмет, могущий породить множество высказываний (например, мысль о том, что находится справа, слева, сзади от Большого театра и т.п.)» [Там же]. Теория Н.И. Жинкина основывается на экспериментальных данных по исследованию внутренней речи человека. В частности, один из аргументов состоит в том, что испытуемые вспоминают гораздо быстрее, чем впоследствии рассказывают о своих воспоминаниях, когда они выражают свою мысль вербально. Иными словами, если бы мышление происходило на «натуральном» языке, они не успели бы проговорить всего того, что они за это время подумали. Согласно этой концепции, «смысл возникает не только в лексемах. Он начинает формироваться до языка и речи. Надо видеть вещи, двигаться среди них, слушать, осязать — словом, накапливать в памяти всю сенсорную информацию, которая поступает в анализаторы. Только в этих условиях принимается слухом речь с самого начала обрабатывается как знаковая система и интегрируется в акте семиозиса» [Жинкин 1982; 83].

Проанализировав данные, полученные специалистами в сфере логики, психологии, физиологии, психолингвистики, А.О. Корнилов делает вывод о том, что «языковость мышления» является не более, чем мифом: мышление представляет собой многоуровневую сущность, оно осуществляется на разных уровнях, и исключительно в формах языка оно осуществляется только на высоких уровнях абстракции (но не самых высших, как, например, в теоретической физике, где очень часто научная идея сначала воплощается лишь в виде формул и лишь затем мучительно пытается обрести словесное выражение, которое может так никогда и не стать до конца адекватным самой идее)» [Корнилов 2003; 117].

Проблема соотношения мысли и слова не нова: ею занимались еще в античности, ср. высказывание Платона: «Не одно ли и то же рассудок и речь, — за исключением того только, что рассудком был назван у нас внутренний диалог души с собою, совершающий все это безгласно» (Soph. 263E). На предположении о тождестве языка и мышления

строилась логическая грамматика. Большое влияние на трактовку этого вопроса в лингвистике оказали изыскания Вильгельма фон Гумбольдта, из которых в конечном счете выросла гипотеза лингвистической относительности. Считается, что Гумбольдт первым в современной науке высказался о связи лингвистического и психического, поколебав взгляды логицистов: в своих трудах «О сравнительном изучении языков...» (1820) и «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное различие человеческого рода» (1836) он выдвинул идею о взаимосвязи языка и (в соответствии с идеалистической линией немецкой классической философии) «духа» народа, введя понятия о языковом сознании народа, языке как деятельности и языковом мировидении, сформулировав положение о том, что «различные языки — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» [Гумбольдт 1984]. Согласно концепции Гумбольдта, «язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и последовательно один за другим, а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности» и «хотя мы и разграничиваем интеллектуальную деятельность и язык, в действительности такого разделения не существует» [Гумбольдт 1984, 68]. Более того, в работе «О различии организмов человеческого языка...» Гумбольдт пишет о том, что «язык есть орган, образующий мысль. Умственная деятельность — совершенно духовная, глубоко внутренняя и проходящая бесследно — посредством звука в речи становится внешней и доступной для чувства. Деятельность мышления и язык являются поэтому неразрывным единством. Мышление всегда связано со звуком языка; иначе мышление не может достичь ясности и представление не может стать понятием. Неразрывная связь мышления, органов речи и слуха с языком является изначальной и не может быть объяснена устройством человеческой природы». Язык неотделим от «духа народа» и находится с ним в отношениях взаимообусловленности: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; его язык есть его дух, и его дух есть его язык — трудно себе представить что-либо более тождественное», язык есть «беспрерывная деятельность духа, стремящегося превратить артикулированный звук в выражение мысли», «в своих взаимозависимых связях <он> есть создание народного языкового сознания» [Гумбольдт, 1985: 396–397]. Благодаря тесной связи «духа» народа и строения его языка (*Sprachgestaltung*), одно можно вывести из другого: «своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт 1985, 377]. Язык, таким образом, в концепции Гумбольдта является не только средством выражения «духа» народа, но и средством его познания.

Идея о том, что «разные языки по своей сути, по своему влиянию на разные чувства являются в действительности различными мировидениями» [Гумбольдт 1985, 370], нашла свое полное воплощение в гипотезе лингвистической относительности Сепира–Уорфа (20 – 40-е гг. XX в.), согласно которой язык первичен по отношению к сознанию, т.е. мышление человека определяется тем языком, носителем которого он является. Иными словами, язык – это рамка, которая определяет границы мышления говорящего на определенном языке, задавая систему доступных ему понятий. В статье «Статус лингвистики как науки» (1928) Э. Сепир писал: «„Реальный мир“ в значительной степени неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной социальной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества, — это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками... Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [Сепир 1993; 261]. Б. Уорф развил идеи Э. Сепира и собственно провозгласил принцип лингвистической относительности («О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление»): «Формирование мыслей - это не независимый процесс <...> но часть грамматики того или иного языка и различается у различных народов в одних случаях незначительно, в других - весьма существенно, так же как грамматический строй соответствующих языков. Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. <...> никто не волен описывать природу абсолютно независимо, но все мы связаны с определенными способами интерпретации даже тогда, когда считаем себя наиболее свободными. <...> Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем»). Уорф подчеркивал, что грамматика как основа любой языковой системы не просто инструмент для воспроизведения мыслей: она «сама формирует мысль, является программой и руководством мыслительной деятельности индивидуума, средством анализа его впечатлений и их синтеза» [Уорф 1999]. Например, Уорф показывает, что европейская физическая теория, построенная на понятии времени, не могла быть создана на языке хопи, где категории времени нет. Тем не менее, в мировоззрении хопи тоже могут быть созданы физические законы, но они потребуют иных понятий и «иной математики».

Действительность от этого не меняется, но воспринимается и интерпретируется в различных категориях.

Сильная версия гипотезы лингвистической относительности предполагает, что мировоззрение напрямую зависит от языка и всецело им определяется. В этом случае мировая наука становится невозможной, так как представитель отдельного народа, согласно этой версии, может рассуждать только о том, что есть в его языке. Также абсолютно неосуществимым оказывается адекватный перевод с одного языка на другой. В настоящее время такая радикальная формулировка не поддерживается профессиональными лингвистами. Более приемлемо выглядит слабая версия гипотезы, согласно которой язык первичен по отношению к мышлению, но носители разных языков могут понимать друг друга: языки различаются не тем, что они могут или не могут выразить, но тем, что с их помощью выразить проще. Стоит заметить, что «лингвистическая относительность» традиционно рассматривается в отношении языков, а не в отношении подязыков одного языка, например, его социолектов. Между тем этот аспект «относительности» также представляет интерес при изучении языкового сознания групп, организованных по профессиональному признаку (например, вопрос о том, насколько языковое сознание офисных работников, являющихся носителями русского и английского корпоративных языков, отличается от общенационального языкового сознания).

В отечественной лингвистике идеи В. фон Гумбольдта развивал А.А. Потебня («Мысль и язык», 1862). Язык рассматривается в его концепции как средство порождения мысли, эту мысль формирующее: «показать на деле участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношения личности к природе, есть основная задача истории языка; в общих чертах мы верно поймем значение этого участия, если приняли основное положение, что язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность⁴. Чтоб уловить свои душевные движения, чтобы осмыслить свои внешние восприятия, человек должен каждое из них объективировать в слове и слово это привести в связь с другими словами. Для понимания своей и внешней природы вовсе не безразлично, как представляется нам эта природа, посредством каких именно сравнений стали ощутительны для ума отдельные ее стихии, насколько истинны для нас сами эти сравнения, — одним словом, не безразличны для мысли первоначальное свойство и степень забвения внутренней формы слова» [Потебня 1989; 155-156].

Важно разграничение А.А. Потебней внешней формы слова («членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука»), и внутренней формы («ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание»). Ср.: «При некотором внимании нет возможности смешать содержание с внутреннею формою. Например, различное содержание, мыслимое при словах жалованье, annuum, pensio, gage, представляет много общего и может быть подведено под одно понятие — платы; но нет сходства в том, как изображается это содержание в упомянутых условиях: annuum — то, что отпускается на год, pensio — то, что отвешивается, gage<...> первоначально — залог, ручательство, вознаграждение и проч., вообще результат взаимных обязательств, тогда как жалованье — действие любви (ср. синонимические слова миловать — жаловать, из коих последнее и теперь еще местами значит любить), подарок, но никак не законное вознаграждение, не «legitimum vadium», не следствие договора двух лиц.

Внутренняя форма каждого из этих слов иначе направляет мысль; почти то же выйдет, если скажем, что одно и то же новое восприятие, смотря по сочетаниям, в какие оно войдет с накопившимся в душе запасом, вызовет то или другое представление в слове» [Там же; 160].

Еще одно разграничение, выдвинутое А.А. Потебней, — ближайшее и дальнейшее значения слова: «ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов — лично. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе. Таким образом, область языкознания народно-субъективна. Она соприкасается, с одной стороны, с областью чисто личной индивидуально-субъективной мыслью, с другой стороны, - мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности» («Из записок по русской грамматике»). В интерпретации Н.А. Сабуровой, ближайшее значение — это «та информация, которую связывают с данным словом все носители одного и того же языка, потому что знание этой связи между формой и содержанием слова входит в знание языка», дальнейшее значение — «та часть его [слова] содержания, которую Потебня называл «внеязычным», или как принято говорить сейчас, экстралингвистическим содержанием, поскольку его знание не входит в знание языка. Это и научная, энциклопедическая информация о денотате слова, и индивидуальные ассоциации, связанные с ним в сознании говорящего» [Сабурова б/г].

Исходя из выводов А.А. Потебни, именно слово позволяет человеку мыслить системно: «Слово, раздробляя одновременные акты души на последовательные ряды актов,

в то же время служит опорой врожденному человеку стремления обнять многое одним нераздельным порывом мысли. Дробность, дискурсивность мышления, приписываемая языку, создала тот стройный мир, за пределы коего мы, раз вступивши в них, уже не выходим; только забывая это, можно жаловаться, что именно язык мешает нам продолжать творение. Крайняя бедность и ограниченность сознания до слова не подлежит сомнению...» [Потебня 1989; 152].

Безусловный примат слова над мыслью провозглашал также философ и психолог начала XX в. Г.Г. Шпет: «Без-словесная мысль — патология; это — мысль, которая не может родиться, она застряла в воспаленной утробе и там разлагается в гное... Слова — не свивальники мысли, а ее плоть. Мысль рождается в слове и вместе с ним. Даже и этого мало. Мысль начинается в слове. Оттого-то и нет мертворожденных мыслей, а только — пустые слова; нет потрясающих мир мыслей, а только — слова. Ничтожество, величие, пошлость, красота, глупость, коварство, бедность, истина, бесстыдство, искренность, предательство, любовь, ум — все это предикаты слов, а не мыслей, т. е., разумею, предикаты конкретные и реальные, а не метафорические. Все качества слова приписываются мысли лишь метафорически» [Шпет 1989, 398].

Параллельно с Г.Г. Шпетом вопросом о соотношении мысли и речи занимался другой известный советский психолог Л.С. Выготский, чьи идеи стали впоследствии опорными для отечественной когнитологии и психолингвистики. Противопоставляя мысль и слово, Л.С. Выготский все же приписывал большое значение языковому выражению мысли: «...Речь по своему строению не представляет собой простого зеркального отражения строения мысли. Поэтому она не может надеваться на мысль, как готовое платье. Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове ...» [Выготский 1934; 272]. Мысль без слова (случай, когда мысль «не совершается в слове») возможна: это, например, муки слова писателей и поэтов или невозможность выразить себя из-за недостатка образования, как у героя Г.И. Успенского⁵. Связано это с тем, что «...мысль не только внешне опосредствуется знаками, но и внутренне опосредствуется значениями. Все дело в том, что непосредственное общение сознаний невозможно не только физически, но и психологически. Это может быть достигнуто только косвенным, опосредствованным путем. Этот путь заключается во внутреннем опосредствовании мысли сперва значениями, а затем словами. Поэтому мысль никогда не равна прямому значению слов. Значение

опосредствует мысль на ее пути к словесному выражению, т.е. путь от мысли к слову есть не прямой, внутренне опосредствованный путь...» [Там же; 315].

Л.В. Выготский разграничивает в речи два плана – фазический и семантический. Для того, чтобы показать, как «изменения формальной и грамматической структуры приводят к глубочайшему изменению всего смысла речи», Л.В. Выготский приводит два литературных примера: басню Лафонтена «Кузнечик и Муравей» и стихотворение Гейне «Сосна и Пальма». И.А. Крылов, чтобы сохранить женскую легкомысленность и беззаботность образа (кузнечик во французском языке – слово женского рода), был вынужден заменить кузнечика на стрекозу. Ф.И. Тютчев, чтобы сохранить символический смысл любви к женщине, перевел сосну как кедр. Более точный перевод Ю.М. Лермонтова, напротив, лишает стихотворение этого оттенка и придает ему более универсальный смысл. Опираясь на эти примеры, Л.В. Выготский делает вывод: «...наличие второго внутреннего плана речи, стоящего за словами, самостоятельность грамматики мысли, синтаксиса словесных значений, заставляет нас в самом простом речевом высказывании видеть не раз навсегда данное, неподвижное и константное отношение между смысловой и звуковой сторонами речи, но движение, переход от синтаксиса значений к словесному синтаксису, превращение грамматики мысли в грамматику слов, видоизменение смысловой структуры при ее воплощении в словах...» [Там же; 275].

Языковое сознание в концепции Л.В. Выготского – «сложная многоуровневая структура, формирующаяся при взаимодействии культурно-социальных и психофизиологических компонентов» [Киселева 2009]. Заключительными словами книги «Мышление и язык» становится положение о нерасторжимой связи сознания и слова: «Сознание отображается в слове, как солнце в малой капле вод. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [Выготский 1934; 319].

С 90-х гг. XX в. в московской психолингвистической школе формируется «новая методологическая база для этнопсихолингвистических исследований», где акцент перемещается на исследование этнокультурной специфики языкового сознания и «различия национальных сознаний коммуникантов» признается «главной причиной непонимания при межкультурном общении» [Языковое сознание и образ мира 2000; 5]. Подобные исследования теоретически базируются на представлении, что «явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности общения,

отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой», что позволяет производить контрастное сопоставление этнических сознаний, когда «язык и культура рассматриваются как формы существования общественного сознания» [Там же].

Отметим, что в современной зарубежной лингвистике термин *linguistic consciousness*⁶ используется иначе: в исследованиях по психо- или нейролингвистике он связывается с деятельностью мозга (проблема соотношения речи, языка и сознания), в других же случаях он, как правило, привязан к языковому самосознанию (осознанию), что в настоящей работе рассматривается как поверхностный уровень языкового сознания (метаязыковое сознание). Так, в работе «*Language and National Identity: Comparing France and Sweden*» («Язык и национальная принадлежность: Франция и Швеция») [Oakes 2001] под термином *linguistic consciousness* (несмотря на замечание о том, что в целом его нелегко определить) понимается внимание (*preoccupation*) языкового сообщества к языку и социолингвистической ситуации, при этом «лингвистически несознательное сообщество» (*linguistically unconscious community*) описывается как такое, которое воспринимает преобладающий язык как должное и тратит усилия только на то, чтобы использовать язык как можно более правильно. Согласно концепции исследователя, исчерпывающее определение *linguistic consciousness* должно включать факторы, относящиеся к статусу языка, т.е. включать в себя четыре компонента: языковую стандартизацию, языковой прескриптивизм и правильность, языковые мифы и лингвистический пуризм [Oakes 2001; 49 – 50]. В статье «*Linguistic consciousness among Adolescents in Catalonia*» («Языковое сознание подростков в Каталонии») [Woolard 2007] термин *linguistic consciousness* также используется в контексте исследования социолингвистической ситуации – под изучением *linguistic consciousness* понимается поиск ответов на следующие вопросы: как ежедневное использование каталонского языка в школе влияет на восприятие подростками каталонского языка? какое социальное значение они приписывают использованию или неиспользованию каталонского языка своими сверстниками? Как в их представлении соотносится уровень образования человека с владением каталонским языком? [Woolard 2007; 2]. В статье [Uljas 2013] о *linguistic consciousness* говорится как о языковом чувстве (*linguistic feeling*), языковой осведомленности / осознании языка (*linguistic awareness*), а само понятие вводится для выяснения той степени, в которой древние египтяне могли осознавать свой родной язык как языковую и грамматическую систему, а также их

отношения к иностранным языкам и восприятию диахронических языковых процессов [Oakes 2001; 49 – 50].

Под linguistic consciousness понимается также «осознание говорящими своей собственной речи в отношении к речи других и в отношении к функционированию централизованной системы»⁷ - языковых норм и правил [Giltrow 2003; 1]; «взаимодействие грамматики и мировоззрения» (—interplay of grammar and ideology) [Manfredi 1991; 22] («грамматика и мировоззрение взаимодействуют, как это видно в том типе мировоззрения, которое я называю языковым сознанием (linguistic consciousness) – более известном как этничность» [Там же; 18]); «проникновение в суть языка» (—insights in language) [Hinge 2007]; «приобретенная способность перехода от спонтанного к сознательному использованию языкового средства» (metalinguistic awareness) [Pramling & Pramling Samuelsson 2013; 128].

В отечественной лингвистике языковое сознание обычно понимается в значении, сформулированном Е.Ф. Тарасовым как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000; 26].

Т.Н. Ушакова выделяет два понимания термина языковое сознание, в зависимости от того, на какие проявления языкового сознания направлено исследование:

1. динамические формы проявления языкового сознания: сознание выражает себя вовне вербально и испытывает языковые воздействия. «Язык как таковой представляет собой скрытую сущность, поэтому выражение вовне возможно через проявленное слово, вербально, т.е. через речь. Тем самым термин «язык», «языковое» должен использоваться в нашем случае в широком его значении — как вербальное средство выражения, т.е. равнозначно с термином «речь», «речевое»» [Ушакова 2000; 15]. Отечественная психолингвистика, возникшая как теория речевой деятельности, концентрировалась на проблемах языкового сознания именно в этом понимании.

2. проявления языкового сознания, когда «из совокупного действия языка, речи и сознания в психике субъекта рождаются своего рода новые структурные образования. Это - языковой тезаурус, вербальные сети, семантические поля» [Ушакова 2000; 16]. В связи с этим подходом Т.Н. Ушакова упоминает психолингвистические исследования, проводимые Ю.Н. Карауловым, Ю.С. Сорокиным, Е.Ф. Тарасовым, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой и др., изучавшими вербальные ассоциации (ассоциативно- вербальную сеть) с целью

выявить прямые и обратные связи словоупотреблений: «Получаемые данные рассматриваются в качестве материального субстрата языковой способности субъекта. По мысли авторов, — это языковой тезаурус носителя языка, представляющий его языковое сознание. В нем выделяется ядро, включающее конечное число «знаний- рецептов». Полагается, что ядро языкового сознания представляет собой лингвистическую проекцию бытия человека, сохраняющееся на протяжении его жизни, ориентирующее его в окружающей действительности и составляющее основу его языковой картины мира» [Там же].

И.А. Стернин критикует использование термина языковое сознание для обозначения факта овнешнения сознания языком, поскольку этот термин, в его понимании, не приводит к новому пониманию проблемы. Полагая, что языковое сознание человека — это «психические механизмы речи, обеспечивающие речевую деятельность человека, совокупность знаний человека о своем языке», он говорит о том, что «традиционная лингвистика изучает именно языковое сознание — правила употребления языка, нормы, упорядоченность языка в сознании и т.д., но не отдавая при этом отчета в психологической реальности выполняемых описаний» [Стернин 2002]. Антропоцентрическое направление в лингвистике, с его интересом к языку в реальной коммуникации, привело к «развитию исследований в области психических механизмов языка и коммуникации - ассоциативно-вербальных сетей (Караулов), ассоциативных полей и др.» [Там же].

По определению, данному И.А. Стерниным, языковое сознание — это «часть сознания, обеспечивающая механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании <...> Языковое сознание исследуется через семантику языковых единиц, овнешняющих его в процессе номинации и коммуникации с целью выявления психологической реальности выявляемых фактов» [Стернин 2002]. Языковое сознание является компонентом когнитивного сознания, обеспечивающим оперирование речью, формирующимся в процессе усвоения языка и совершенствующегося в течение жизни «по мере пополнения <...> знаний о правилах и нормах языка, новых словах, значениях, по мере совершенствования навыков коммуникации в различных сферах, по мере усвоения новых языков». В то же время языковое сознание в понимании И.А. Стернина входит в коммуникативное сознание — «совокупность коммуникативных знаний и коммуникативных механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека», т.е. «коммуникативные установки сознания, совокупность ментальных коммуникативных

категорий, а также набор принятых в обществе норм и правил коммуникации» [Там же]. Согласно [Прохоров, Стернин 2006; 28], языковое сознание – «знание системы языковых средств, их значений и правил использования в речи».

Как правило, в исследованиях, посвященных языковому сознанию, акцент делается на национальной составляющей (русское языковое сознание, испанское, французское и т.д.). Языковое сознание понимается как «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 2004; 35]. Однако в связи с этноязыковым сознанием встает вопрос об истоках различий национальных языковых различий, ср. комментарий В.Н. Базылева в ходе дискуссии ИЯ РАН 07.02.1999: «Если мы говорим, что мышление человека как биологического вида не может быть разным по своим функциональным характеристикам (иначе мы предполагаем различные биологические виды), тогда принципы функционирования языкового сознания должны быть однотипными, одинаковыми. Потому что те же модули, на которых базируется сознание, т.е. те модули, через которые поступает информация (зрительная, тактильная, слуховая и прочие), одинаковы у человека как биологического вида. Значит, языковое сознание изначально функционирует одинаково. Наверное, накладываются разные привходящие особенности, зависящие от климата, территории и т.д. Т.е. это некий фенотип» [Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе 1999; 27].

С другой стороны, языковое сознание может быть не только коллективным, характерным для этнической или социальной группы, но и индивидуальным. В частности, О.И. Уланович обращает внимание на важность эмоционального компонента в языковом сознании, определяемого и формируемого индивидуально для каждого носителя языка: «Базовый элемент языкового сознания - смысловая единица, включающая индивидуально-пропорционально представленные у каждого человека знаковый, образный и эмоциональный компоненты. Так, помимо знаков естественного языка (звуков, слов, фраз), существуют ментальные знаки – репрезентации знаков естественного языка в индивидуальном сознании. При этом естественный знак обладает значением, стабильным, устойчивым, понятным всем носителям этого языка, соответствующий же ментальный знак обладает индивидуальным смыслом, имеющим пристрастную природу и связанным с отношением, оценкой, индивидуальной трансформацией. Этот индивидуальный смысл определяется связью ментального знака с определенным образом и определенными эмоциями в сознании отдельного человека в рамках одной смысловой единицы. При этом

образ представляет собой ментальную репрезентацию фрагмента действительности, своего рода контекста, в котором функционирует знак» [Уланович, 2010].

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

2.1. ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ СОЗНАНИЯ И ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Сознание – один из основных феноменов человека и социума. Оно представляет собой способность оперировать образами социальных взаимодействий, действий с предметами, природных и культурных связей, отделенных от непосредственных контактов с людьми и актов деятельности, рассматривать эти образы в качестве условий, средств, ориентиров своего поведения. Многогранность сознания сделала его предметом изучения многих наук: философии, психологии, юриспруденции, психиатрии.

Философское понимание сознания не является однозначным, и связано с плюрализмом философских позиций и школ, особенно бурно возникающих в полемике с марксизмом. Сложность проблемы исследования сознания способствовала появлению различных, весьма противоречивых точек зрения по поводу определения сущностной природы сознания. Так, в разнообразных философских концепциях прошлого, абсолютизирующих и противопоставляющих данные полученных научных исследований о психологических свойствах и особенностях психической деятельности человека, гипертрофировалась роль интуиции, воли, чувств, бессознательных побуждений, осуществлялась рационализация феноменов психической жизни человека, взятых в отрыве от реальной предметно-практической деятельности личности и конкретных исторических форм общественных отношений, в которых протекает деятельность индивидов. В рамках этих концепций сущность человека сводилась к деятельности сознания, а сознание при этом рассматривалось лишь как познавательное отношение человека к миру. Так, например, классическая традиция, объединяющая греческую философию, арабоязычную философию, философию Нового времени, гегелевский панлогизм и аналитическую философию современности, отождествляет мышление и сознание. Апофеозом данного подхода является утверждение французского философа Нового времени Р.Декарта: «Я мыслю, следовательно, существую».

Как классическая, так и неклассическая европейская философия развивались в русле объективного и субъективного идеализма. В объективных идеалистических системах древнегреческого философа Платона и немецкого мыслителя Г.Гегеля, основных представителей объективного идеализма, сознание является субстанциональной сущностью мира, особым миром интеллекта, сущностей, именуемых «эйдосами», «абсолютом», представляющих «диалектическую, имманентную природу самого бытия и ничто...» [Гегель, 1970: 166]. Согласно данной точке зрения, объективное сознание стоит у истоков всякой проявленной реальности. Сознание изначально не является результатом развития природы, есть первая основа действительности.

Мир идеального в конечном итоге «является абсолютным бытием, причиной становления определенного бытия, его сущностью и истиной. В этом суть гегелевского метода, в котором, по словам Маркса, идея выступает творцом действительности, а действительность представляет собой внешнее проявление идеи» [Гегель, 1970: 166].

Согласно позиции английского философа Нового времени Дж.Беркли сознание «представляется как некий сосуд, в котором уже содержатся идеи и образцы того с чем предстоит человеку столкнуться в мире, нет ничего реального но существующего, кроме субстанции духа, души и моего Я». Разновидностью данной позиции является априоризм немецкого философа И.Канта, выдвигавшего требование, «исходить из предположения, что предметы должны сообразовываться с нашим познанием...».

Идеалистический подход определяет сознание как независимое от мозга, но определяемое неким духовным фактором (Богом, идеей). Отстаивая мысль о первичности сознания по отношению к материи, идеалисты постулируют тот факт, что сознание само по себе призвано объяснить все сущее.

В отличие от позиций идеалистической философии, материализм ищет общность, единство между феноменами сознания и объективным миром. Известны слова К.Маркса: «Для Гегеля процесс мышления ... есть демиург действительности, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Марксизм начинает исследование с материальных процессов, только затем определяется природа идеального. Если Г.Гегель демонстрирует развитие панлогического принципа как саморазвитие идеальной субстанции, то у К.Маркса идеальное – это предстоящая форма,

отражение общественных отношений, форма инобытия материального, «становящийся результат».

Согласно позиции материалистической философии, «идеальным является все человеческое сознание – высокая идея и обыденное представление, добрая воля и зависть, декартовское «ясное и отчетливое мышление» и так называемое бессознательное». Выделяются не только психический и физический миры, но и третий мир – мир знания. Философское противопоставление физического и психического миров соответствует разграничению материального и идеального.

Особенностью материалистического подхода является выделение такого кардинального свойства сознания, как социальность. Идеальность сознания, способности отражать социальный мир и творить духовные феномены рассматриваются как качества, присущие только человеку.

Материалистическое философское понимание сознания состоит в том, что для реализации социальных связей, и соответственно, общественной жизни необходимы условия проявления способности человека соединять образ своей деятельности с образами различных социальных взаимодействий. При этом сознанием человека фиксируется социальная связь в самом индивиде, а эта связь обнаруживается в нем как «сознание», как разделенное с другими людьми знание о необходимом содействии в воспроизводстве социального процесса. Сознание фиксирует отношение индивида к предмету, форме и качеству последнего как связь человека с другими людьми, деятельностью, им присущими, а также связывает индивида с другими людьми в его отношениях к предметам, процессам и стихиям, за ними скрывающимися.

Как утверждал философ современности М.Мамардашвили, в сознании имманентно заложен элемент отстраненности от мира – «следовательно, в том, как понимается мышление в европейской традиции, уже как бы изначально содержится сознание иного. Этим иным, или другим миром, может быть другой человек, другая точка зрения, другая перспектива, вообще другой мир или другой космос. Все эти вещи стоят в одном ряду и являются расшифровкой слова «Иное». Иная реальность!» [Мамардашвили, 1988: 37].

Логика методологического плюрализма, присутствующая в современном философском дискурсе в последние годы, привела к появлению в западной философии дуалистического интеракционизма, в основе которого лежит положение о том, что совершенно независимо друг от друга существуют «мир материальных объектов» и «мир

духовных объектов», что эти два мира воздействуют друг на друга, причем мозг воздействует на сознание, а сознание на мозг, сознание идеально, так как информация воспринимается человеком отделенной от ее материального носителя».

Несмотря на многочисленность концепций относительно сущности сознания, очевидным является факт необходимости обращения к внутреннему опыту человека. Сознание идеальное не будучи материальным явлением, постоянно выступает как объективное. Это проявляется, во-первых, в том, что константами для сознания являются предметы объективного мира. Сознание (идеальное) выражает образ символически, так как содержит в себе его смысл и основные очертания. В процессе познания субъектом считаются основные черты и сущности объекта и отражаются им в идеализированных формах; во-вторых, в структуру сознания входит не только отраженный в идеальной форме объективный мир, но и мир психики, и мир знаний.

Признавая двойственную природу сознания как идеально-объективного явления, не познаваемого в непосредственном наблюдении, мы, тем не менее, акцентируем внимание на его детерминированности материальным миром, придерживаемся мнения о первичности бытия и вторичности сознания как способа отражения объектов материального мира при помощи образов и представлений, общественном характере сознания: «Вместе с тем сознание чело века генетически связано с предшествующими, природными формами отражения и потому несет в себе определенные черты отражения как свойства всей материи».

Общественный характер сознания, порождается в обществе, в ходе коллективной общественно-практической деятельности. Результатом совместной деятельности людей явилось развитие абстрактного мышления и языка. Сознание и язык образовали диалектическое единство: в своем существовании они предполагают друг друга как внутренне, логически оформленное идеальное содержание предполагает свою внешнюю материальную форму. Язык есть непосредственная действительность мысли, сознания. Он участвует в процессе мыслительной деятельности как ее чувственная основа или орудие. Сознание не только выявляется, но и формируется с помощью языка.

В этом единстве определяющей стороной является мышление: будучи отражением действительности, оно создает формы и диктует законы своего языкового бытия. Через сознание и практику структура языка в конечном итоге выражает, хотя и в модифицированном виде, структуру бытия. Обе стороны этого единства отличаются друг от друга: сознание отражает действительность, а язык обозначает ее и выражает в мысли.

Язык и сознание образуют противоречивое единство. Язык влияет на сознание: его исторически сложившиеся нормы, специфичные у каждого народа, в одном и том же объекте оттеняют различные признаки. Основой развития сознания является диалог, коммуникация, содержащие все богатство человеческих отношений, позволяющие освоить не только мысли других людей, но и бесконечные смыслы культуры. «В словах, в грамматических формах, в синтаксисе запечатлевает свой образ душа данного народа; как следы на окаменевших песках от волн, давно не существующих морей, закреплены в нем стремления, склонности, неприязни, верования, предрассудки, первобытные знания о мире и человеке. Именно в ту мифотворческую эпоху были приданы мужской и женский род небу, звездам, земле, рекам, неодушевленным предметам, и принципы, которыми руководствовались те, кто производил родовое различие, теперь также невозможно разгадать, как и самое происхождение слова. Ничто так не изумляло греков, как то, что у египтян небо было женщиной, а земля мужчиной» [Парандовский, 1992: 34]. В развитии сознания язык играет амбивалентную роль, с одной стороны языковая среда опосредует этническую окрашенность сознания; с другой стороны, выступает определенным посредником между бытием и логическими структурами.

Язык не только способ и средство общения и самовыражения, но и средство понимания, расшифровки бесконечных смыслов Вселенной. На внутреннюю и внешнюю действительность человек накладывает сетку значений, выраженных в языке. Тем самым человеческое бытие живет в языке и само себя через язык понимает. Вот почему задача точного перевода с одного языка на другой не проста. Другие реальности повседневной жизни и другой набор слов делают некоторые вещи практически непереводаемыми. Формируя словесную модель мира, язык создает трудности не только для тех, кто принадлежит к разным народам и говорит на разных наречиях. Экзистенциальную проблематику взаимосвязанности языка и бытия вообще после библейского канона («Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть», продолжают французский философ А. Камю («Эссе об абсурде»), М. Хайдеггер («Язык – это дом бытия») [15, 61] и Ф. де Соссюр, рассматривающие язык как бытие, существующее до субъекта, владеющее субъектом и заставляющее субъекта говорить уже в готовых схемах, использовать приготовленные смыслы.

Философское исследование М. Хайдеггера о языке, а также поставленная им проблема понимания, детерминировала возникновение герменевтического подхода к

анализу культуры и сознания. Язык, по утверждению М.Хайдеггера, - «дом бытия», одновременно являющимся самим бытием. Язык не набор знаков, являющихся простой представленностью вещей, а наоборот, слово являет сущность вещи. С точки зрения М.Хайдеггера, традиционные методы философии должны дополняться герменевтическим анализом языка и мышления.

Данную точку зрения разделял немецкий философ Х.Г.Гадамер, ученик М.Хайдеггера, рассматривающий язык как «фундаментальный слой конструирования мира, как предвещающую схему всех познавательных возможностей».

При рассмотрении теорий анализа языка в современной западной философии необходимо различать аналитическую философию, ориентированную на логический и семантический анализ естественного языка и различных формализованных языков, и герменевтическую традицию истолкования текста, воспринимающую феномены человеческой культуры как различные текстовые данности, направленные на анализ общекультурных контекстов осмысления историко-культурной действительности.

В западной литературе было принято отмечать в качестве определяющей черты аналитической философии «лингвистический поворот» или «лингвистический акцент» поворот философии к исследованию того, как мы говорим о мире и как рассуждаем о самом рассуждении. С этим связано выдвижение на передний план философии языка и ее центральной проблемы – проблемы значения. Основной предмет изучения в философии «аналитиков» Дж.Мура, Б.Рассела, Л.Витгенштейна, Р.Карнапа, У.Куайна связан с логическим анализом языка, непосредственно ориентированного на изучение знаков, знаковых систем.

Проблема сознания связана и с герменевтикой, обозначающей искусство толкования, разъяснения текста и этимологически восходит к имени древне греческого бога Гермеса, вестника воли олимпийских богов, одновременно трактовавшего людям сущность божественных установлений. Главная проблема герменевтического метода – проблема понимания, восходящая к средневековой экзегезе (истолкование текста Библии, при этом общее направление было задано Августином: «Понимаю, дабы верить»). Процедура понимания связана с понятием «герменевтического круга», под которым представители философской герменевтики В.Дильтей и Ф.Шлеймахер обозначили связанные воедино процедуры понимания и объяснения. Хайдеггер считал, что экзистенциальное понимание обуславливается не деятельностью сознания, а есть сам способ бытия человека в мире.

При этом самостоятельная деятельность сознания без предпонимания, без предпосылки понимания есть «фикция рационализма». Теоретическая деятельность сознания представляет собой вторичное понимание. Во всех видах современного герменевтического метода – грамматическом, стилистическом, историческом, психологическом – преобладает языковой анализ, что придает языку статус онтологического феномена; при этом история, культура, человеческие взаимоотношения трактуются как языковые образования.

Главными понятиями герменевтического метода являются «вживание в исторический контекст текста», «смысл текста», «оценка» и т.д. Образцом для герменевтического анализа служит сцена «Чаепитие со сдвигом» из сказки Л.Кэрролла. Герменевтические исследования постулируют факт природной коммуникативности сознания, общение рассматривается как основная структура сознания.

В области филологической герменевтики наиболее выдающийся вклад в развитие метода понимания и анализа текста внес русский филолог и философ М.М.Бахтин, создавший концепцию гуманитарного мышления и диалога культур. Бахтин полагал, что мышление гуманитария должно осуществляться в пределах определенного речевого жанра, что оно должно постоянно выводить за пределы этого жанра - в бесконечность общения с иными жанрами и формами «построения целого». Ученый считает, что мышление гуманитария имеет и должно иметь дело только с текстами - оно должно осуществляться на выходе из текста, в диалоге с внетекстовым автором текста, с бесконечным контекстом культуры; контекстом, полностью присутствующим в данном тексте, и в то же время выводящим за данный текст. М.Бахтин впервые ввел различие монологизма и принципиального диалогизма сознаний, встречающихся в текстовой данности.

2.2. СТРУКТУРА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Не подлежит сомнению, что языковое сознание является сложным образованием. Лингвисты рассматривают этот феномен в различных аспектах и структурируют его по-разному, однако сама идея «многомерности структуры языкового сознания» [Ростова 2008; 47], получила всеобщее признание (А. Вежбицкая, А.Н. Ростова, Н.Д. Голев, Н.Б. Лебедева, С.Е. Никитина и др.).

По замечанию А. Вежбицкой, «языковое сознание» имеет много разных уровней и <...> содержит как факты, лежащие на поверхности, так и другие факты, которые

скрыты очень глубоко. Важно различать молчаливое знание, которое спрятано в «глубинах» человеческого сознания, но которое можно вытащить на поверхность (ср. Sapir 1949: 331), и научное знание, которого наивные носители могут просто не иметь и которое не могут обнаружить самые настойчивые поиски. Последнее, в противоположность первому, не отражается в языке и не играет никакой роли в лингвистическом исследовании» [Вежицкая 1996].

В концепции, представленной в работах А.Н. Ростовской, структура языкового сознания включает в себя глубинный и поверхностный уровни. Признаки, на основании которых разграничиваются указанные уровни, сведенные в таблицу.

Языковое сознание (ЯС)	
Глубинный уровень	Поверхностный уровень (метаязыковое сознание, МЯС)
«является регулятором речемыслительной деятельности (в том числе контролирует автоматизированные действия говорящего при порождении речи). Этот уровень организует «мышление на языке» и, по-видимому, выявляется в ассоциативной вербальной сети»	«находит выражение в рефлексии говорящего по поводу языковой организации, в суждениях индивида о языке, о собственных речевых тактиках и т.д.», «связан с «мышлением о языке»»
язык выступает в роли субъекта	язык выступает в роли объекта

Таблица 1. Структура языкового сознания по А.Н. Ростовской

Таким образом, языковое сознание, помимо неосознаваемого «мышления на языке», к которому исследователи стремятся пробиться путем анализа ассоциативных сетей, покрывает и языковую рефлексию, вскрывающую его поверхностный уровень, МЯС – «совокупность знаний, представлений, суждений о языке, элементах его структуры, их формальной и смысловой соотносительности, функционировании, развитии, о собственных речевых тактиках и т.д.» [Ростова 2008; 47].

Подобное выделение верхнего уровня языкового сознания находим у С.Е. Никитиной, которая также пишет о том, что понятия, обозначаемые терминами «языковое

сознание» и «языковое самосознание» (метаязыковое сознание в другой терминологии), находятся в отношениях «часть – целое»: «языковое самосознание можно считать частью языкового сознания, его верхним автономным слоем» [Никитина 1989; 35]. Основные принципы разграничения данных понятий в представлении С.Е. Никитиной сведены нами в таблицу:

	Языковое сознание	Языковое самосознание(МЯС в концепции А.Н. Ростовой)
Объект	Весь универсум	Язык в целом и его отдельные элементы, языковое поведение и тексты
Способы реализации	вербальные	1) вербальные (метаязыковая функция языка); 2) невербальные (например, реакция на ругательство – возмущённый взгляд, жест и т.д.)

Таблица 2. Структура языкового сознания по С.Е. Никитиной

Языковое самосознание как часть более общего понятия языкового сознания заключается в «способности интерпретировать и квалифицировать элементы языкового сознания. Интерпретация состоит в изложении понимания текста или языковых единиц. Квалификация – в указании на их функции, значимость. Частным видом квалификации является оценка» [Никитина 1989; 38].

В коллективной монографии «Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» Н.Б. Лебедева [Лебедева 2009] выстраивает более развернутую структуру языкового сознания. Явление, называемое языковым сознанием, представлено в ее описании восемью видами, разграничение которых основано на двух оппозициях:

1) по качеству знания:

- знание языка (языковая компетенция - владение языком, родным

или неродным);

- знание о языке (лингвистическая компетенция - метаязыковые знания);
- знание в языке («знания, отраженные в языке, в его грамматических формах, лексике, речевых жанрах» [Там же]);
- знания на языке («вся информация, зафиксированная в текстах, произнесенных и написанных на данном языке» [Там же]);

2) по ментальным формам (между которыми, впрочем, нет четкой границы):

- неосознаваемое знание (подсознательное и бессознательное, сфера интуиции, ощущения, чувства, «языковое чувство», «язык как инстинкт»);
- осознанное знание.

	А Неосознаваемое	Б Осознанное
1 Знание языка <i>(языковая компетенция: владение языком)</i>	(1-А) Спонтанное владение языком, жанрами (1ж-А), основанное на «языковом чувстве»	(1-Б) Осознанное владение языком, жанрами (1ж-Б)
2 Знание О языке <i>(лингвистическая компетенция: метаязыковые знания)</i>	(2-А) «Спонтанные представления о языке и речевой деятельности», а также о жанрах речи (2ж-А)	(2-Б) а) Наивная лингвистика: «совокупность знаний, представлений, суждений о языке» (2а– Б), о жанре (2жа-Б) с минимальным включением специализированных знаний

		б) профессиональная лингвистика и «полунаивная» лингвистика (2б-Б, 2жб - Б)
3 Знание В языке <i>(язык – орудие знания)</i>	(3-А) Образы мира и языка, отраженные в языке, языковая картина мира, жанровая картина мира (3ж-А)	(3-Б) Когнитивная/ концептуальная лингвистика, лингвокультурология
4 Знание НА языке <i>(знания, заложенные в текстах)</i>	(4-А) Информация, зафиксированная на данном языке	(4-Б) Рефлексии по поводу этой информации

Таблица 3. Структура языкового (со)знания по Н.Б. Лебедевой

(1-А) – неосознаваемое знание языка – основано на автоматизме и интуиции, когда «выбор слов, грамматических норм, стилистических средств <...> происходит спонтанно, опираясь на языковое чувство, чутье» [Там же].

(1-Б) – осознанное владение языком – фиксируется в нетривиальных ситуациях общения (незнакомые люди, экзамен, допрос и т.п.), когда «актуализируется необходимость выбора средств языка, и этот выбор происходит не только интуитивно, но и в той или иной степени осознанно» [Там же]. Таким образом, подключается критическое и рефлексивное сознание, граничащее с метаязыковым и иногда включающее в себя его элементы (метаязыковые термины *слово, речь, предложение, правильно/неправильно* и т.д.).

(2-А) – предлингвистическая компетенция – находит свое выражение в «нерефлектирующей рефлексии говорящих» (Н.Д. Арутюнова), обнаруживаемой в таких выражениях, как «так не говорят», «это не по-русски», «ну ты и сказала!», «ну ты как скажешь-скажешь», «язык без костей», «краснобай» и т.п. «В этих оценках нет

настоящей (расчлененной, рациональной) рефлексии, это, скорее, проявление языкового чувства, эмоциональной и общеоценочной реакции на речевые действия и явления» [Там же].

(2-Б) – осознанные метаязыковые знания – входят в собственно лингвистическую компетенцию в том терминологическом понимании, что в отличие от владения языком (языковой компетенции) «лингвистика» предполагает именно метаязыковой срез знания» [Там же]. Н.Б. Лебедева подразделяет эти метаязыковые знания на

- (2а-Б) - естественную (обыденную, народную, наивную) лингвистику, которую, в свою очередь, можно классифицировать на

- полунаивную лингвистику, для которой характерно использование некоторых лингвистических терминов (совершенный вид, именительный падеж, ударение, синонимы и т.п.) как манифестация остаточных знаний после обучения в школе/вузе;
- собственно наивную лингвистику, обходящуюся без лингвистических терминов и знаний, когда «наивный носитель русского языка (среди них могут быть и люди с высшим образованием) осознанно высказывает свои неспециализированные лингвистические мнения, <...> производит разные виды народной этимологии, устанавливает лексические мотивации и ремотивации (считая при этом, что делает этимологический анализ слова), другие рефлексии над языком и речью, стараясь приводить свою аргументацию» [Там же].

- (2б-Б) – профессиональное знание языка, «включающее все разделы языкознания как науки» [Там же].

(3-А) – неосознаваемый вид «знаний в языке» - включает в себя «такие понятия, как –языковая картина мира», –языковая категоризация», –образы языка, отраженные в самом языке»¹³ как часть «образов мира, отраженных в языке» [Там же].

(3-Б) – осознанный вид «знаний в языке» - выражается в различных лингвистических направлениях, представляющих язык как «источник знаний о мире, в том числе и о языке: гипотеза Сепира-Уорфа, направление «слова и вещи», концептуальная, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и многие другие направления, изучающие, как представлен мир в языке» [Там же]. Настоящее исследование, направленное на выявление некоторых сторон языкового сознания,

следуя концепции Н.Б. Лебедевой, относится именно к сфере (3-Б).

(4-А) – неосознаваемые «знания на языке» - представляют собой «всю информацию, зафиксированную в текстах, произнесенных и написанных на данном языке, непосредственно воспринятую слушающим и читающим» [Там же].

(4-Б) – осознанные «знания на языке» - выражаются в рефлексии по поводу «информации, зафиксированной в текстах, произнесенной и написанной на данном языке», как правило, профессионалами (к этому относятся стилистика, литературоведение и др. науки, основанные на анализе текстов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение и анализ историко-научных предпосылок изучения поставленного вопроса привели к следующим выводам:

1. Термин «языковое сознание» акцентирует важнейшую сторону психологического функционирования человека, подчеркивая значение внутренних психологических состояний, сознания субъекта, при использовании языка, речи. Термин подчеркивает объединение, слитность главных составляющих речевой деятельности: психологического и лингвистического элементов.
2. Понятие (термин) «языковое сознание» имеет широкое референтное поле, включающее две его основные разновидности: динамическую — выражение состояния сознания в вербальной форме, воздействие на сознание с помощью речи, — а также структурную, образуемую языковыми структурами, формирующимися в результате ментального опыта субъекта, действия его сознания. При всей широте этого референтного поля понятие языкового сознания имеет свою специфику, подчеркивая момент смыкания, совокупности феномена сознания, мысли, внутреннего мира человека с внешними по отношению к нему языковыми и речевыми проявлениями. Этот важный момент высвечивает главную сущность языка/речи — быть выразителем психического состояния говорящего.
3. При всей значительности понятия «языковое сознание» оно таит в себе опасность для научной мысли: при громадности проблемы связи психики и материи возникает искушение представлять переход от одного к другому как простой и непосредственный. Однако этот переход возможен лишь в результате огромной работы природы, и без ее понимания мы не можем претендовать на научное объяснение взаимосвязи психического и материального. Отсюда вытекает важность генетического аспекта связи сознания с языком и речью.
4. Разработка понятия языкового сознания в конкретном исследовательском плане открывает возможность обогатить наши знания не только в отношении феноменов речи и языка, но и в отношении феномена психики — сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян. Л.А. Идеально ли идеальное? //Вопросы философии. №10. 1987. – С. 54-63.
2. Авербух К.Я. Терминологическая вариантность: теоретический и прикладной аспекты (1986) // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. М., 1994.
3. Антонова И.С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание» // Социосфера. 2010. № 4. С. 52 – 57.
4. АпресянЮ.Д. Избранные труды.Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
6. АпресянЮ.Д. Избранные труды.Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
7. Белобородов А.А. Языковое сознание: Сущность и статус // Современная наука и закономерности ее развития. Томск, 1987. Вып. IV. С. 131 - 147.
8. Борискина О.О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О.О. Борискина, А.А. Кретов; Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук МИОН. Воронеж, 2003.
9. Бодуэн де Куртенэ И.А. Языкознание (1904) // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 96 – 117.
10. Брайт У. Параметры социолингвистики [Введение] // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М., 1975. С. 34—42.
11. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
12. Вежбицкая А. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания. №6. 2000. С. 33-38.
13. Вепрева И.Т. Метаязыковая ориентация языковой личности в условиях языковой перестройки // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. Междунар. конф.: IV Шмелевские чтения, Москва, 23—25 февр. 2000 г. М., 2000а. С. 26 - 28.
14. Вепрева И.Т. Метаязыковая ориентация языковой личности в условиях языковой перестройки // Активные языковые процессы конца XX века: Тез. докл. Междунар. конф.: IV Шмелевские чтения, Москва, 23—25 февр. 2000 г.

- М., 2000а. С. 26 - 28.
15. Выготский Л.С. Мышление и речь. 16-я тип. треста «Полиграфкнига». М., 1934.
URL: <http://psychlib.ru>.
 16. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996
 17. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
 18. Девянина С.Г. О метаязыковой деятельности наивных лингвистов // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 63 – 68.
 19. Дударева Я.А. Синонимические отношения в языковом и метаязыковом сознании) // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. А.Н. Ростова. Кемерово – Барнаул, 2008. С. 69 – 73.
 20. Зубкова Л.Г. Языковое и лингвистическое мышление (к характеристике вклада русской традиции в теорию языка) // Антропотекст – 1: Сборник научных статей, посвященных 60-летию проф. Н. Д. Голева. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2006. С. 154 - 174.
 21. Калентьева Т.Л. Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода. Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1998.
 22. Караулов Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование состояния и функционирования / Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Филиппович; Моск. гос. лингвист. ун-т, Ведущая науч. шк. "Рус. яз. личность". М., 2009
Калентьева Т.Л. Языковое сознание и когнитивное сознание в контексте деятельностного подхода. Иркутск: Изд-во Иркут.ун-та, 1998..
 23. Крюкова Е.И. Языковое сознание личности в культуре перевода. / Е.И. Крюкова, И.И. Голубых, А.К. Голубых; Рост. гос. пед. ун-т Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2004.
 24. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1993.
 25. Парандовский Я.. Алхимия слова. - М.: Правда. 1992.- 401 с.
 26. Раевская М.М. Испанское языковое сознание Золотого века (XVI- XVII вв.) / М.М. Раевская; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Фак. иностр. яз. и регионоведения. М.: URSS, 2006.
 27. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в

- формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 108 – 140.
28. Федченко А.В. Языковое сознание русских и американских подростков: (этнокультур.аспект) / А. Федченко; Рос.акад.наук, Ин-т языкознания. М.: Флинта, 2006.
29. Фесенко Т.А. Языковое сознание в интраэтнической среде: Учеб. пособие к спецкурсу / Т.А. Фесенко; Ин-т языкознания Рос. акад. наук, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999.
30. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурол. описание / Н.Л. Чулкина. М.: URSS, 2007.
31. Эко У. От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст (лекция Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998). URL: <http://philosophy.ru/library/eco/internet.html>.
32. Языковое сознание и образ мира. Сб. ст. М., 2000.